

Соглядатаи и поднадзорные

ПРАВО, не слишком то веселое то занятие — ворошить подробности тех десяти лет, что минули после истории с «теплицей». Да и в родном нашем Заеркалье, где непостижимое, ни с чем не сравнимое стояние на ухах давно стало нормой, уже ничем никого не удивишь.

В наше бодрое время, когда все встрепенулись, воспрянули духом и «бывшие друзья». Теперь, глядишь, они помогают родственникам репрессированных оплакивать безвременно усопших, восседают в «Мемориалах», других организациях. И на этом вполне героическом фоне засуетились вдруг недобитые в свое время, «несостоявшиеся» околоресистенты. Пользуясь новой оттепелью, они «с понедельничных позиций» пытаются своим тогдашним шагам придать большее значение». Каково?

Но, защищая честь мундира, тов. Сивец не делает ли мерилом истины свои собственные, не лиценные субъективности, лирические воспоминания? О ночном литературном кружке КГБ узнал, конечно же, задолго до разгрома. Ведь сторожевое нам, студентам, предложил тогда некто Орлицкий, дошедший потом на Станислава Божко в габэ. В 74-м году Стас имел первое свидание и первую промывку мозгов.

Николай Серебренников, устроившийся в теплицу позже, стал налаживать контакты с правозащитниками, в частности, с Сахаровым.⁶ И вот, в одно из ночных дежурств, когда ребята уже разошлись, в оранжерею проникли трое⁷ неизвестных и молча, вполне профессионально избивли Николая самым жестоким образом.

Поскольку располагалась теплица в укромном месте, окруженная забором, попадали туда лишь знающие потайные лазы и проходы: то были не вульгарные хулиганы...

О том, что за теплицей велась слежка, и велась давно, рассказали нам позже и сами тепличники — они хорошо относились к нам, особенно к Стасу. За пару месяцев до обыска там побывали комитетчики, осмотрели помещение и, сняв с малограмотных женщин показания, заставили их расписаться в неразглашении. Что же до мифа о чемодане с нелегальной литературой, якобы торчавшем на самом видном месте из-под стеллажа, — все это сущий вздор. Цветы ежедневно поливали из шланга, любая вещь раскисла бы там на вторые же сутки. Нет, хранилась литература в другом, более надежном и сухом месте. Посторонний ничего заметить не мог.

А «заметил» ее действительно главный инженер РСУ «Горзеленстрой» Еременко. И когда после всего он цинично предложил нам уволиться «по собственному желанию», то извиняться, в отличие от простых совестливых работников, не стал. Хотя за несколько лет дежурств мы не получили ни одного взыскания. Для многих из нас, бездомных, лишенных родителей, всякой материальной поддержки, оранжерея была тогда теплым кровом и давала какой-никакой кусок хлеба. Этого ли не знали «благодетели» из комитета?

С нежной укоризной молвил в интервью тов. Сивец, что, мол, во время допросов ребята запира-

лись, открещивались от «антисоветчины», а теперь признаются и даже, дескать, бравируют этим. Но ради чего требовалось каяться и стучать себя в грудь? Ради премии чекистам к 1 Мая за блестяще проведенную операцию по разгрому «диссидентского гнезда»? Ради того, чтобы наши дети — моя дочь, дети Винарских, Гурьева, Серебренникова, Крюкова — несколько лет росли без родителей, согретье заботливой лаской чутких дзержинцев?

Слава Богу, ребят не подвела их порядочность да спас инстинкт самосохранения! Правда, Станислав взял-таки на себя изготовление литературы в теплице, прекрасно понимая, чем это грозит. Потому, видно, так сурово трактует его поступки тов. Сивец. Но, увлекшись психологическим анализом душевного разлада околоресистентов, мастера кривых зеркал забывают, что именно их-то действия и являлись незаконными. Список официально запрещенной литературы, несмотря на требования ребят, никто так и не предъявил.

Сейчас опричники беззакония выступают в роли судей, словно народ — было, достойное лишь кнута и оскопленного сознания. И в том, что весь ужас внезапно рассеялся, ребята не оказались за решеткой, заслуга, конечно, не фродическим добрых «духовных пастирей». Возможно, Егору Кузьмичу, делавшему стремительную карьеру, не понравилось чрезмерное усердие его старателей, не хотелось тогда лишнего шума в дорогой своей вотчине. А может, из-за грядущей Олимпиады...

Однако последствия «теплицы»

расхлебывали мы еще долго! Кто лишился научной работы, кто даже дворницкой — всех выжиwali. Они, говорит Сивец, «не сделали бы что-то значительное и в другое время». Еще одна бестактность. По-моему, нет смысла убеждать, сколь одаренные, талантливые люди бывали в теплице — люди сильные, не давшие растоптать свою душу.

Сознавали все, кто участвовал в этой истории, или нет, но она поделила всех нас тогда на соглядатаев и поднадзорных, на живых и мертвых. Для меня важно не то, кем они НЕ СТАЛИ, важно, кем они ОСТАЛИСЬ. Об этом — стихотворение одного из них,⁸ написанное в том же 80-м году.

Проходят дни, как эти облака,
Как повести посредственной
страницы.

Однако, как успел я измениться,
Как начал понемногу привыкать
Простую воду называть вином
И за руку здороваться с г...ном
И утешаться: так заведено.
Но этот Богом позабытый храм
Как тот герой, что оживляет
повесть,
И наша подкупаемая совесть
Противится посулам и дарам.
Галина ЛАЩУК.

На снимке тех лет⁹ Станислав БОЖКО и Галина ЛАЩУК в теплице.

*Т.В. - 3 (Молодой Ленинский)
150. 14. XII 1990 г.
5*

¹ Чья бы вы заведица, - обиталище, -
... чужор. - эф. соотношение! "

² В университетские разорвалась кафедра
экономики ИВ прикладной истории клас. Д.Я. Баднов, трагивший меня еще в 1977-м.

³ ?

⁴ Повесть, требующая очень много места. Не журнал это был, а Б. с Мегаевым поехали за облаками. Сюжет др.
Аксель.

⁵ Б. судеребурт, 1 мая, 1980 г. ИВ криго негем. Второго ИВ как бы не при гем. В каге.
сентябрь 1981-го Б. воевали в МВД, а вот он похит на галавек, а вот оставшего срочник у